

АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО ИРАКА И ЛЕВАНТА. ОСТРЫЙ ВОПРОС

Б.Г. Якеменко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Современная европейская цивилизация столкнулась с серьезным вызовом в лице ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта). Причем этот вызов совершенно недооценен и, судя по всему, даже не воспринят как вызов. Сокрушительные успехи ИГИЛ в Ираке, стремительное расползание адептов по миру, показательные казни, появление вербовщиков в большинстве европейских стран, включая Россию, заставило руководство ведущих европейских стран обратить внимание на эту группировку. Она была атрибутирована в традиционных категориях как жестокая террористическая организация, связанная как с сирийскими, так и иракскими радикалами, а это значит, что логика ответных действий понятна. Закрывать счета. Искоренить. Бомбить. Истребить. Стереть. Отомстить. И эта логика есть самая большая ошибка, которая сегодня совершается прежде всего руководством США, а это значит, будет совершаться и многими другими, теми, кого США сегодня набирают себе в союзники. Ошибка, чреватая потерями времени и непредсказуемыми последствиями.

Почему? Рассмотрим ситуацию внимательнее. Главная проблема политической стратегии Америки состоит в том, что Америка не желает видеть кардинальных перемен в мире и продолжает планировать политику настоящего и будущего исходя из картины и стратегий прошлого. Так, можно обратить внимание на то, что, планируя войну в Ираке, США исходили из устаревшего положения о том, что субъектом войны обязательно должно быть некое государство. Когда же оказалось, что в Ираке главный противник не режим Хуссейна, а традиционные исламские общины, военная стратегия ста-

ла проваливаться, война из молниеносной стала перманентной, пришлось на ходу признавать, что религиозный фактор был выпущен из виду, и забыть о химическом оружии, которое стало поводом.

А сегодня Ирак охвачен борьбой между суннитами и шиитами, сводящими старые счеты, что в очередной раз заставляет на ходу менять стратегии и планы и, не найдя решения, поговаривать о том, что надо уходить. Все это накладывается на общую проблему кризиса смыслов, привычных схем и форм взаимоотношений, от личных до религиозных и политических, диверсификацию политических и религиозных рынков, фрагментацию и деиерархизацию социальных структур, рост новых внесоциальных элит, потерю человеком прежних социальных, групповых, политических статусов. И в результате, по словам А. Пятигорского, «идеальное политическое воплощение протестантской парадигмы – война и научная (индустриальная) революция» больше не предлагают правильных решений, равно как и гегелевская парадигма мира и политических революций. Поэтому внешняя политика США сегодня представляет собой череду катастроф и провалов, приводящую к созданию все новых и новых нарывов и болячек и полное отсутствие хотя бы минимального успеха в любой области.

Из этой «вчерашней» установки происходит стремление втиснуть ИГИЛ в прокрустово ложе «силы международного терроризма», что является глубочайшим и пагубным заблуждением хотя бы потому, что для начала стоило бы заново определить, что такое эта самая «сила», так как прежние определения уже неактуальны. Иначе получается то же самое, как если бы во время эпидемии чумы боролись бы с некоей «болезнью». Но последние годы США и вся т.н. «постмодернистская культура» занимались именно тем, что лишали слова первоначального смысла и бесконечно расширяли понятийные границы. Это закономерно привело к тому, что хорошо известные, вроде бы понятные слова (например «терроризм», «сепаратизм», «тоталитаризм», «демократия», «свобода» и т.д.) лишились содержания и превратились в обертки, упаковку, опознавательные знаки, пароли, используемые в рамках определенных сообществ, а также стали средством, с помощью которого можно легко заморочить человека, сбить его с толку и в конечном итоге сделать своим сторонником. Поэтому США продолжают бороться с «силами терроризма», хотя ИГИЛ это уже совершенно иное явление и терроризм там совсем не главное.

Также попытка всунуть ИГИЛ в привычные рамки, определить его категории в старых, привычных терминах связана и с тем, что на большинство вопросов, связанных с этим явлением, ни американские, ни европейские политики ответить не в состоянии. Отказ США помогать нынешнему иракскому режиму, когда последний напрямую попросил об этом, свидетельствует о том, что, похоже, в Америке начали кое-что понимать и искать ответы. Один исламский обозреватель спрашивает: «Если бы группировка желала убить всех “неверных”, то стала ли бы она сотрудничать со светскими военными

Саддама Хусейна? Или, если бы она состояла из сумасшедших фанатиков, то смогла бы наладить продажу нефти? Если бы ее целью было только заставить людей в жесткой форме следовать шариату, то устраивала бы детский фестиваль на контролируемой ею в Сирии территории, открывала бы клиники?»

Но это далеко не все вопросы. Почему в Ираке армия фактически не сопротивлялась наступлению ИГИЛ? Почему ИГИЛ возникло именно сейчас? Почему в ИГИЛ так много европейцев и как удается убедить привыкшего к комфорту, безрелигиозного европейца (то есть считающего высшей ценностью человеческую жизнь) погибать в бою или взрываться на остановке? За что они взрываются? Как справедливо замечал Т.Э. Маршал, когда какое-то количество людей одновременно бежит в одном направлении, нужно задать два вопроса: «Куда они бегут?» и «От чего они убегают?» Видя терминологическую неудачу с «международным терроризмом», не стоит стараться объяснить «радикальным исламом» цель, к которой они бегут. Тем более вопрос «От чего они убегают?» все равно останется без ответа, а он не менее, если не более, важен.

Именно парадоксальная привлекательность ИГИЛ для европейцев остро ставит главный вопрос – о природе ИГИЛ, о его идеологии и ценностях, которые сегодня совершенно непонятны. А пока ИГИЛ представляют «скопием террористов», эта же привлекательность делает «исламское государство» силой, рядом с которой «Аль Каида» скоро может показаться «видами Палестины в волшебном фонаре».

Ведущие западные политики уже обращают на это явление внимание. А. Меркель уже выразила сожаление по поводу «непонятной высокой притягательности и влияния ИГИЛ на европейскую молодежь».

Европейцы в широком смысле (американцы, британцы, французы, бельгийцы, датчане) участвуют в боевых действиях ИГИЛ, как все остальные, режут головы журналистам, взрывают себя в Сирии и Ираке (вспомним теракт в иракской Бакубе, когда бельгийка Мюриэль Дегок взорвала себя вместе с американской войсковой колонной).

Исследовательская группа «Соуфан Групп», базирующаяся в Нью-Йорке, сообщает, что к концу мая этого года в рядах боевиков было 12000 человек из 81 государства, среди них 3000 с Запада. На сегодняшний день их число, вероятно, еще выше. На Ближнем Востоке у многих из них есть уже твердая почва под ногами: два года назад пакистанские СМИ сообщали о том, что где-то в Северном Вазиристане существует целая деревня, населенная «немецкими талибами», в которой можно чаще услышать немецкий, чем арабский, пушту или урду. Масштаб включенности «немецких исламистов» в действия в афгано-пакистанском регионе уже столь велик, что они недавно создали отдельную боевую структуру – «Бойцы Талибана Германии».

При этом стоит отметить, что только небольшая часть боевиков с Запада являются новообращенными мусульманами.

Часто такого рода действия объясняются желанием молодых людей убежать из дома и найти свою истинную идентичность. Не случайно, как выясняется, многие, отправляющиеся из Европы на Ближний Восток и вливающиеся в ряды ИГИЛ, заказывают перед отъездом книжки типа «Коран для чайников» и «Ислам для чайников». То есть речь идет о том, чтобы просто не быть элементарным невеждой и побыстрее войти в среду своих единомышленников, так как главная и самая притягательная сила для этих людей содержится не в исламе и не в возможности обрести рай с гуриями, а, очевидно, в чем-то другом, том, для чего ислам лишь прикрытие.

Таким образом, в условиях глобальных трансформаций ИГИЛ, судя по всему, сегодня становится вызовом не политическому европейскому и американскому истеблишменту, а Западу и западному образу жизни в целом, предвещая глобальный конфликт цивилизаций. Не случайно ИГИЛ не ограничивается лишь вооруженным противостоянием, но активно обсуждает вопросы социальной справедливости, богословия, состояния современного мира. При этом привлечение в ряды ИГИЛ европейцев означает, что эти люди смогут перевести понятия, идеи, образы реальности, создаваемой ИГИЛ, на язык европейских понятий и сделать новую идеологию в условиях духовного и идеологического кризиса Запада привлекательной для тысяч людей.

Все это значительно осложняется тем, что европейский носитель идеологии ИГИЛ практически невидим в западном обществе, в отличие от арабов или африканцев, которые в большинстве все-таки имеют свои социальные ниши и сосредоточены в национальных кварталах. А если учесть данные норвежских ученых, согласно которым из девяти граждан западных стран, принимавших участие в военных действиях на Ближнем Востоке с 1990 по 2010 г., один продолжал заниматься террором и после возвращения, то Европа оказывается открыта и для принципиально нового типа терроризма, с которым будет невероятно сложно бороться и который при первых терактах создаст волну паники, мотивированной простым соображением «они уже среди нас».

Таким образом, попробуем предположить, что ИГИЛ есть выражение принципиально новой религиозности, условия для возникновения которой складывались последние несколько десятилетий. Тех самых десятилетий, в течение которых Европа перед лицом грядущей угрозы последовательно себя разоружала через протестантскую теологию «христианства без религии» Бонхеффера, Альтицера, Хамилтона, Ван Бурена или через концепции Левинаса или Рикера, объясняющих Бога как «инаковость» и «пустоту».

Важнейшим из указанных выше условий явилось наступление эпохи «десекуляризации» в целом, без конфессиональных различий и выделения неких локальных социальных пространств и процесс «глокализации» (Робертсон) церкви, то есть вытеснения ее на обочину социальной и политической жизни.

В ходе недавних событий на Ближнем Востоке можно было видеть, как светские режимы в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии или пали под ударами ис-

ламских радикалов, или испытали их сильное давление. Американский социолог Питер Бергер в специальной работе, посвященной десекуляризации, констатирует, что мир сегодня «неистово религиозен, как и был в прошлом, а в некоторых местах более, чем когда-либо». Красноречивым свидетельством интереса к теме являются интернет-поисковики – если в 2004 г. Google выдавал на слово «Post-Secular» лишь несколько тысяч ссылок, то в 2012 г. уже почти 70 млн. Однако наступление этой эпохи вовсе не означает, что мы будем иметь дело со старым добрым исламом или ортодоксальным христианством, вернувшимся в мейнстрим. Речь идет именно о формировании принципиально новых религиозных направлений в исламе и христианстве, которые будут иметь самую отдаленную, прежде всего терминологическую связь первоисточником.

Фундамент для этого уже готов. По данным опросов как на Западе, так и в России треть опрошенных считают себя верующими, но не соотносят свою веру с какой-либо религией. Среди молодежи таких респондентов больше. То есть треть опрошенных в одном случае и больше трети в другом случае абсолютно открыты для любой религиозной вести, которая будет отвечать их внутренним ожиданиям.

Растущее количество «верующих без религии» дало возможность некоторым современным исследователям, таким как В. Поссенти или М. Эпштейн, говорить о специфическом феномене «гражданской религии» или «бедной веры», характеризующейся «моральной верой, истины которой были приняты в качестве гарантии одухотворения социального факта» и весьма своеобразными представлениями об ином мире и способах его взаимодействия с миром человека. Именно на этой базе на Западе экспоненциально растут, питаясь плодами распада христианства, харизматические пятидесятнические течения, количество последователей которых уже таково, что кардинал Курт Кох, председатель Папского совета содействия христианскому единству, заявил о том, что пришло время выделить четвертый тип христианства: «Мы вынуждены говорить сегодня о “пентекостолизации” христианства или о четвертом типе христианства: католики, православные, протестанты и пятидесятники. Это является серьезным вызовом для будущего». А на Востоке эти же самые процессы вызвали к жизни ИГИЛ.

При этом нельзя забывать, что, как показывает исторический опыт, данные религиозные течения и направления не имеют смысла сам по себе, без диалектической оппозиции главной религии, религии, их породившей, христианству или исламу. А это значит, что глобальный конфликт изначально заложен в систему и заставить ее перестать воевать невозможно по определению, ибо как только система сложит оружие (в прямом и переносном смысле), она аннигилируется. ИГИЛ сегодня бросает вызов и исламу и христианству не случайно, вербуя коренных европейцев, адепты подчеркивают, что христианство ушло сейчас в глубокую оборону, а ислам одерживает победу за победой.

Не видеть всего этого или пытаться оценивать происходящее в категориях ушедшего столетия – это примерно то же, что слушать компакт-диск на патефоне и пытаться по получаемым звукам понять, что на этом диске записано. Это значит, что Европа и Америка уже морально, стратегически проиграли ИГИЛ, и осталось лишь дожидаться, когда эта внутренняя победа будет подтверждена извне.

Исторический опыт убедительно показывает, насколько опасно демонстрируемое ныне европейскими политическими силами непонимание серьезности происходящего и сути явления. Монголы в свое время одерживали победы в Европе не потому, что были сильнее, а потому что были носителями совершенно иной идеологии и стратегии, непонятной в европейских категориях.

Услышав о приближении монголов, европеец думал «если что, попробуем договориться. Не поможет – попробуем откупиться. Не поможет – попробуем сразиться». Договориться не получалось, откупиться тоже, а европейская военная стратегия и тактика, которая представляла бой чередой красивых рыцарских поединков, полных благородства и изящества, разбивалась о представления монголов о войне как об отчаянной и кровавой схватке, в которой для победы все средства хороши. Не говоря уже о том, что сабля оказалась эффективнее меча. То же самое было в начале Великой войны семьдесят лет назад, когда немцы руководствовались прямой и формально бесспорной логикой: за эту страну с Гулагом, Соловками, расстрелами, колхозным рабством, поруганными церквями и взошедшей над ней чудесным грузином воевать невозможно. Недопустимо. Немыслимо. И были убеждены, что их встретят как освободителей. А люди поднялись и начали воевать. За Родину, за взошедшего грузина, забыв обиды, недоумения и счета. И пока немцы сообразили, что здесь что-то не так, их уже гнали из-под Москвы.

Поэтому постараться правильно понять, что такое ИГИЛ, необходимо. Тем более что уже очень опасный звонок был – банду убийц под Москвой атрибутировали как имеющую отношение к данной структуре. И не обращать на это внимание так же разумно, как, услышав об эпидемии бубонной чумы в Химках, спокойно рассуждать: «ну это же не в Измайлово. Подождем». Ждать уже некогда.

ISLAMIC STATE OF IRAQ AND THE LEVANT. SENSITIVE ISSUE

B.G. Yakemenko

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198